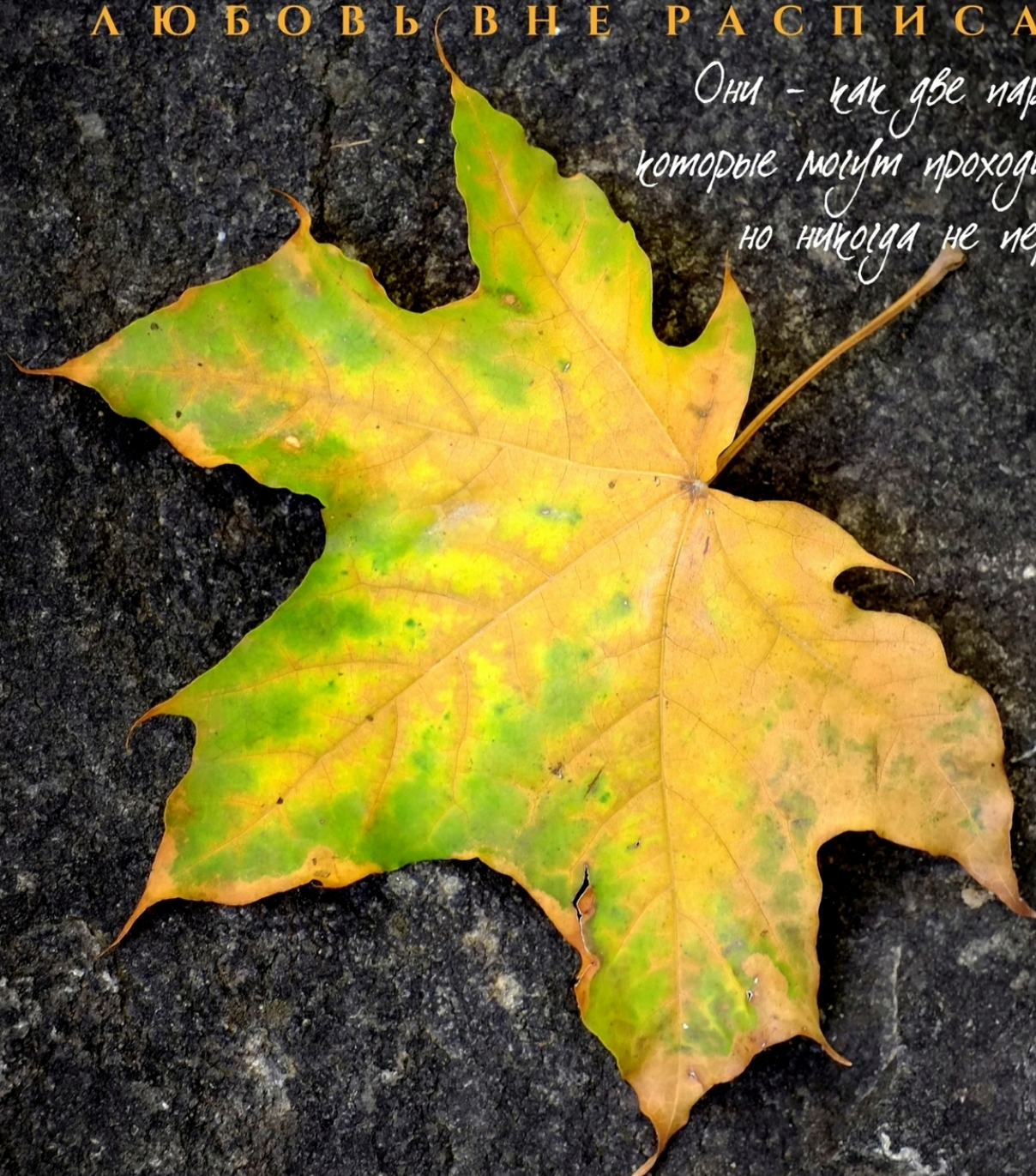

Эльвира Селик

МЫ СДЕЛАНЫ ИЗ СЛОВ

ЛЮБОВЬ ВНЕ РАСПИСАНИЯ

*Они - как две параллельные,
которые могут проходить рядом,
но никогда не пересекутся.*

16+

Любовь вне расписания

Эльвира Смелик

Мы сделаны из слов

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Смелик Э. В.

Мы сделаны из слов / Э. В. Смелик — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Любовь вне расписания)

Дана – студентка-второкурсница, учится на психолога, в семье – всё отлично, родители – преподы. А ещё у неё есть старшая сестра и верная подруга, которая способна не только устроить свою личную жизнь, но и помочь в этом деле другим. Но в свидание два на два неожиданно вмешивается третий. А ведь Дана даже представить не могла, что способна на подобное – в первый раз увидев парня, потерять голову. И, похоже, он тоже не остался равнодушным, и вроде бы ничто не мешает строить отношения. Если бы не одно особое и крайне неоднозначное обстоятельство. Герои-студенты, любовь и дружба, неоднозначные ситуации и капелька новогоднего волшебства в молодежной истории от автора популярной серия "Линия души".

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
5	16
6	19
7	21
8	24
9	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

1

– Да ладно. Рассказывай уже.

Хотя Рита старательно пряталась за большой чашкой с кофе, уже минут пять держа ту на весу почти на уровне глаз (упираясь локтями в стол, делать это не так уж сложно), её особенный таинственный взгляд не заметить было просто нереально. А строить теории на тему, чего она опять там задумала – дело безнадёжное: даже самый нелепый вариант может оказаться вполне вероятным. Поэтому Дана не стала тянуть и заговорила первой.

– Так что ты хочешь мне сказать?

Подруга сделала простодушное лицо, потупилась.

– У тебя какие планы на сегодня? – поинтересовалась с наигранным смущением.

– Пока никаких конкретных, – честно выложила Дана, но почти сразу, спохватившись, добавила, на всякий случай: – Хотя... могут появиться.

– Ничего не знаю! – воскликнула Рита, мгновенно позабыв и про скромность, и про нерешительность. – Я первая.

– Первая в чём?

– В твоих планах.

Та-ак!

– И что мне предстоит?

– Свидание, – заявила подруга как о нечто само собой разумеющемся, будничном и привычном. – Двойное. Я, ты и два парня.

– Незнакомых? – уточнила Дана.

– Относительно.

– Как это?

– Одного я знаю, – честно доложила Рита. – Немного. Он меня и пригласил. Но я не уверена, – призналась она, придав лицу выражение задумчивой сосредоточенности. – Поэтому и не хочу один на один. Я буду с тобой, а он приведёт друга.

– И всё уже договорено?

– Не-е-ет! – воскликнула подруга с нарочитым негодованием. – Ты что?! Я же должна сначала спросить твоего согласия. И, если ты не против, я ему позвоню.

Дана едва не фыркнула прямо в свой кофе.

Рябинина отжигает. С этим своим праведным «не-е-ет», с невинно округлёнными глазами. Только хватает её правильности и скромности всего на полминуты, а потом они бесследно исчезают, и раздаётся нетерпеливое:

– Так я ему звоню?

Уже? Типа, формальность соблюдена, видимость, что Дана в данной ситуации хоть что-то решает, создана, но даже время на «я подумаю» не предусмотрено. Потому что лучшим подругам не полагается поступать по-другому.

– Данчик, всегда знала, что на тебя можно положиться. Ты лучшая.

Рябинина выпорхнула из-за стола. Неужели телефон заранее не прихватила?

– Ри-ит, стой! Хоть расскажи для начала поподробней, что там и к чему.

– Да расскажу, конечно, – со всей убедительностью заверила подруга, но тут же пропела, растягивая слова и покачивая головой из стороны в сторону: – Но сначала позвоню.

На кухню она вернулась минут через пять.

– Сегодня в шесть в кафе на Садовой, – сообщила с довольной улыбкой.

– А ты точно не уверена? – засомневалась Дана. – Я тебе действительно там нужна?

– Нужна-нужна, – подтвердила Рябинина. – Зря он что ли друга потащит?

То есть дело совсем не в неуверенности, или не только в неуверенности, ещё в желании ошастливить всех, кто оказался поблизости.

– Ри-та! Мне твоя благотворительность ни к чему. Своими силами обойдусь. Когда понадобится. А сейчас – без надобности. Мне и одной неплохо. Да и ты у меня есть.

Рябинина невозмутимо дёрнула плечами, уселась на табурет, заявила с трогательной озабоченностью:

– Но, если я стану встречаться с парнем, ты же будешь скучать.

– Не переживай, не буду, – успокоила её Дана. – У меня ещё Вера. И я же говорю – не хочу ни с кем сейчас.

Но у Риты и на подобное заявление нашёлся убедительный контраргумент.

– А вдруг он тебе понравится. Тогда и захочешь.

С ней легче согласиться, чем что-то доказать.

– Ну ладно, – обречённо выдохнула Дана. – Посмотрим. – И напонила: – Но ты ещё рассказать обещала.

Подруга поёрзала на табурете, устраиваясь поудобнее, глотнула кофе, промокая горло, а потом выложила:

– Меня с ним Арефьева познакомила. Ну та, с которой я в комнате раньше жила. Она его по общаге и знает. Управление, четвёртый курс, – перечисляла старательно: – Зовут Серёжа. Фамилию ещё не выяснила. Жгучий брюнет. – Тут она печально вздохнула. – Вот это меня и смущает. Я ж больше светленьких люблю.

– Ну, блин, проблема! – Дана даже руками всплеснула. – Не всё ли равно, какой он масти?

– Да всё равно, конечно, – согласилась Рита. – Только с тёмненькими у меня ещё ни разу нормально не складывалось.

– Всё когда-нибудь случается в первый раз, – философски изрекла Дана и, желая насколько возможно ограничить количество ожидающих её сюрпризов, деловито поинтересовалась: – А друг у него хоть какой?

И получила в ответ:

– Так я ж уже сказала – не знаю. Не видела.

Ну, замечательно. Облаготетельствовать – так от души. Одарить котиком в мешке.

– А если он светленький? – предположила Дана. – Будем меняться?

Рябинина честно задумалась.

– Не знаю. Давай там на месте выясним.

Дана хмыкнула.

– Я пошутила, между прочим.

Тут на кухню вплыла Вера, старшая Данина сестра, ещё до конца не проснувшаяся – взгляд затуманен.

– Доброе утро! – вдохновлённая появлением ещё одного собеседника радостно воскликнула Рита.

Вера – ноль эмоций. Добрела до шкафчика, нащупала кружку, похоже, так и не осознавая, что в кухне помимо неё есть кто-то ещё. А Дана и заморачиваться не стала ни на какие приветствия, прекрасно знала, это трата слов впустую, потому что, сто процентов, сестра не услышит, не отреагирует, не оценит. И вовсе не потому что между ними не слишком хорошие отношения. Как раз-таки очень даже нормальные.

Просто Вера всегда была идейной одиночкой, закрытой и не слишком-то общительной без особой надобности. Ну и ещё – чего уж там? – слегка высокомерной. Даже близких родственников в своё личное пространство не пускала, но и сама к другим не лезла. Дана с ней могла пооткровенничать, а сестра в ответ – никогда, если только совсем чуть-чуть. Наверное, считала, что от младшенькой всё равно никакой помощи, потому что та мельче, неопытней, бестолковее, примерно где-то на уровне её будущих пациентов – котиков, попугайчиков и

хомячков, – пусть и разница между ними всего два года. Она ещё и ростом была выше, чтобы удобнее смотреть сверху-вниз.

Но если очень надо, Вера всегда готова выслушать. Она как раз их тех редких людей, которые умеют слушать – не перебивают, не торопятся на каждую реплику рассказать похожий случай из собственной жизни, не переносятся мысленно в параллельные пространства, дожидаясь, когда собеседник наконец-то выговорится и заткнётся. Но сейчас она ещё в неадеквате, наполовину спит.

Вера сделала себе кофе, глотнула по пути к столу, плюхнулась на диванчик рядом с сестрой.

– О чём это вы?

Вот и проснулась.

Рябинина с удовольствием пересказала ей всё, о чём несколько минут назад говорила, и весь её монолог Вера с пониманием кивала, отхлёбывая кофе. А Дана дожёвывала бутерброд и наблюдала.

Вообще чисто внешне они с сестрой заметно отличаются. У Веры волосы светлые, золотисто-пшеничные, а у Даны гораздо темнее с каштановым отливом. И глаза у них разных оттенков, у младшей тёмно-тёмно-карие, у старшей – опять более светлые, жёлто-коричневые. А вот во вкусах они частенько сходятся, и во взглядах на жизнь. Недаром Вера столь легко согласилась, что, пока родители в отъезде, Рябинина у них поживёт, и ладила с ней без проблем.

– Вер! – внезапно озарило Дану. – А, может, ты с Ритой сходишь. Они четверокурсники. Тебе как раз подойдёт.

Сестра фыркнула, а выражение понимания на лице мгновенно сменилось на такое, словно она сказать хотела: «Я в ваши детские игры не играю».

– Не-е, – протянула. – Раз тёмненький уже занят, мне не интересно. – И уставилась на Риту вопросительно, будто ожидая, что та сейчас скажет: «Ну раз так, я тебе его уступаю».

Но Рябинина, конечно, ничего похожего говорить не стала. Значит, точно преувеличила насчёт «не уверена».

2

Кафешка на Садовой оказалась ничего так. Не маленькой и не большой, в самый раз, чтобы выглядеть атмосферной, уютной и милой. И цены реальные – Дана на автомате отметила. Выбор в меню небольшой, но самое главное в наличии: чай, кофе, десерты, лёгкие закуски, коктейли, алкогольные и безалкогольные. С последних и начали, устроившись за столиком в углу. Девушки с одной стороны – на мягком диванчике, заваленном подушками, а парни напротив, на плетёных стульях.

Даже странно: расстояния между столиками не настолько уж и большие, но каждый, словно расположен в отдельном, специально отгороженном для него кусочке пространства. И разговоры за соседними, даже громкие, ничуть не мешают.

Ритин Серёжа действительно был ярко выраженным брюнетом. Волосы и брови чёрные, глаза тёмные. К тому же улыбчивым и разговорчивым. Чисто внешне – Данин любимый типаж, но... но... но... Подруга определённо не собиралась им ни с кем делиться, и меняться не собиралась, тем более и второй парень оказался не из её обожаемых блондинчиков. Тоже довольно тёмненький, с густым кучерявым чубом и, кстати, симпатичный, а имя – Паша.

Никаких особых чувств при виде его Дана не испытала, разве только облегчение, что обещанный ей друг оказался вполне ничего. И Паша наверняка то же самое почувствовал, недовольным или разочарованным не выглядел и потихоньку подкатывать начал почти сразу.

Он действительно приятный, с таким можно встречаться для начала чисто по-приятельски, особенно если Рита с Серёжей будут за компанию. А вот у них явно полное совпадение, уже треплются увлечённо, подхватывая реплики друг друга.

Паша называл приятеля Серёгой, и тому действительно больше подходило именно так, по-свойски, по-разговорному, чуть проще и твёрже. И что там Рябилина говорила про «ни разу нормально не складывалось у неё с тёмненькими»? Тут даже сомнений никаких не возникало: на этот раз сложится, ещё как, без проблем, однозначно.

Серёга допил свой коктейль, принялся оглядываться по сторонам в поисках официанта, но увидел, похоже, кого-то другого, оживился, приветственно махнул рукой, крикнул погромче:

– О, Илюх! И ты здесь?

Остальные, конечно, развернулись с любопытством.

С Даной в жизни никогда не случалось, чтобы вот так – только увидеть парня и... нет, не влюбиться, не потерять голову, а приклеиться взглядом и пялиться неотрывно, как он подходит, как здоровается за руку, сначала с Серёгой, потом с Пашей, как сдержанно улыбается. И ведь не обалденный красавчик, просто привлекательный. Но не только внешностью, сразу всем: походкой, движениями, голосом, манерой разговаривать и держаться. А ещё уверенностью и лёгкой небрежностью (а может, небрежной лёгкостью), не вызывающими, не отталкивающими, не нарочитыми – именно в такой концентрации, как нужно.

Хотя вон Рита спокойно отнеслась, осмотрела, оценила, не впечатлилась, отвернулась. То есть это только для Даны оказалось убойной комбинацией, а на самом-то деле – ничего особенного. Если рассматривать каждую черту по отдельности – вообще не в её вкусе. Ведь Дана нравятся тёмные глаза, а у него не тёмные, но и не светлые, что-то посередине. Зелёно-карие. И волосы тоже. Не в том смысле, что зелёные, а какого-то промежуточного оттенка. Не брюнет, не блондин, хотя всё-таки ближе к светлому. Пепельно-русый.

И с какого перепугу тогда она смотрит на него и смотрит?

Она на секунду опустила веки, а когда подняла их, попала прямиком на взгляд. Правда, короткий. Скользнул, зацепил и потащил за собой.

«Хватит! – приказала Дана себе. – Выдохнула, успокоилась, очнулась!» Всё равно он сейчас уйдёт.

– Один? – поинтересовался Серёга, поймал утвердительный кивок. – Тогда присоединяйся.

Парень позаимствовал свободный стул у соседнего столика, придвинул, сел с торца. Серёга представил:

– Рита. Дана. А это Илья.

И опять их взгляды встретились, и какая-то странная пауза возникла, будто остальные специально момент выделили тишины и бездействия, чтобы они без помех могли посмотреть друг на друга. Или, как вариант, обалдели от этого их взаимного взгляда, потому что тот...

Как там в кино показывают? Или мультиках. Электрический разряд, вспышка, взрыв.

Бред, галлюцинация.

Может, Дана коктейль подсунули алкогольный, да ещё и чересчур крепкий? Ведь только ей одной мерещится вся эта многозначительность и странность, она одна в неадекватности, остальные ведут себя вменяемо. А Илья уже давно с официантом разговаривает, про ерунду, про то, что он будет только кофе. Только кофе.

Дана обхватила ладонями стакан. Стекло было прохладным из-за плавающих внутри кубиков льда. Это произошло рефлекторно – попытка остудить неуместно вспыхнувшее пламя. Но в настройках организма всё-таки успело что-то сбиться, иначе почему она опять – ага! – посмотрела на него. Не на стакан, не на организм. На... И опять наткнулась на взгляд.

Ближе к центру радужка была золотисто-коричневая, по краю холодно-зелёная. Зрачок неожиданно расширился, совсем немного, но Дана заметила. И сразу опустила глаза, уставилась в стакан, взялась за соломинку, зачем-то помешала содержимое. Кубики льда забренчали.

Выловить их и засунуть себе за шиворот, чтобы резко изменить ощущения. А то чего она – как неуравновешенная школьница. Осталось только залиться горячим румянцем, растаять и растечься лужицей. Рита что-то говорила над самым ухом, а Дана не слышала, просто кивала, без понятия, на что соглашаясь. А ведь у Рябиной хватит фантазии... Да на что угодно!

Дана заставила себя сосредоточиться. Как оказалось, кивала она в тему, потому что Рита рассказывала, что уже год живёт у неё дома на правах лучшей подруги, ну и потому что есть свободная комната, родительская. А сами Свиридовы-старшие, тоже уже год, работают за границей, конкретно в Китае.

– А кто они? – озадачился Серёга. – Дипломаты?

– Не-е, – протянула Рита с такими интонация, будто только ради безмерного уважения и любви к подруге удерживалась от того, чтобы не добавить: «Да ты что? Всего лишь...» – Преподы.

Подобным точно присутствующих не поразишь, с учётом, что как минимум четверо из них студенты. Но Рябина уж если решила о чём рассказать, выкладывала всё до конца, заранее предупреждая чужие вопросы.

– Дан! Что они у тебя там преподают?

– Современные технологии кадастровых работ, – выдала Дана без запинки.

Сутью она никогда не интересовалась, что это, толком рассказать бы не смогла, но название курса звучало гармонично и запомнилось легко. К тому же обычно вводило в кратковременный ступор всех непосвящённых. И сейчас сработало.

Немая сцена длилась несколько секунд, но желающих заполнить разъяснения не нашлось – это тоже как обычно – и разговор двинулся дальше.

3

Болтали в основном Рита и Серёга, ещё Паша, а Дана иногда бросала реплики, но чаще молчала, переводила взгляд с одного говорящего на другого, и при этом – конечно, не зажмуриваться же специально – попадала на Илью.

Он тоже больше молчал, упирался подбородком в сложенные ладони, смотрел по сторонам, правда без особого интереса. Спокойный, расслабленный. И на сидящих за столом смотрел, и – на Дану.

В который раз встретились глазами и уже не торопились отвести. Пока другие заняты болтовнёй, пока не обращают внимание. Смотрели друг на друга без каких-то особых эмоций, не желая ничего сказать, даже без мыслей. Если так бывает. И не совсем понятно, куда же всё-таки смотришь – прямо перед собой или внутрь себя. Как будто сразу за двоих. Получается легко и долго, и не смущает ничуть.

Серёга толкнул Илью в локоть, и будто башню разрушил. Она упала, рассыпалась с жутким грохотом, который возвратил в реальность.

– Илюх!

– А? – он развернулся к приятелю.

– Не помнишь, где это находится?

– Ты про что?

Слушать Дана не стала, опять переключилась на стакан.

Странно так, ужасно странно. Даже на диване она удерживается с трудом. Так и тянет подняться, пойти – всё равно куда, сделать что-нибудь, не какую-то там ерунду, а основательное, энергозатратное – пробежать марафон, залезть по водосточной трубе на крышу дома. Чтобы избавиться наконец от непонятого возбуждения, скопившегося внутри, которое заставляет делать кучу бессмысленных мелких движений: покачивать ногой, переставлять стакан с места на место, поправлять волосы, вычерчивать пальцем невидимые знаки на столешнице, тереть салфетку.

Рита наклонилась к уху:

– Пойдём, в туалет ходим.

Не марафон, конечно, но хоть какая-то движуха.

– Не видела, где он тут?

Дана не видела, но решить подобную проблему проще простого.

– Узнаем.

Они выбрались из-за стола, расспросили парня за стойкой, а потом послушно потопали в указанном направлении.

Когда Дана вышла из кабинки, Рита рассматривала себя в зеркале, меняла выражения на лице и улыбалась. Не оборачиваясь, встретившись взглядом с отражением, спросила:

– Ну и как? – вскинула брови, чуть наклонила голову, нарочно утрируя и позируя. – Не жалеешь, что со мной пошла?

– А чего жалеть-то? – откликнулась Дана невозмутимо. По крайней мере старалась, чтобы вышло невозмутимо, и вроде бы почти получилось.

– Ну вот и я о том же, – заявила Рита и опять улыбнулась, театрально и многозначительно. – Немного не так, как планировалось, но тоже хорошо. А, возможно, ещё и лучше.

Дана фыркнула.

– О чём ты?

Рябинина промолчала, с таинственным видом шагнула к двери, вывалилась наружу, направилась к столику. Но только они уселись, Илья вытащил из кармана мобильник, мельком посмотрел на экран, зачем-то оглянулся через плечо.

– Уходишь? – раньше, чем он сам успел сказать, поинтересовался Серёга.

– Угу.

– Уже? – разочарованно уточнил Серёга, словно с Даниных мыслей считал, а Паша как-то странно усмехнулся.

Илья легкомысленно дёрнул плечами, поднимаясь с места, но говорить ничего не стал.

– Ну, пока тогда.

– Пока.

Пока? Как это?

Мысли беспорядочно заметались.

Сначала захотелось просто по-сумасшедшему вскочить, воскликнуть в отчаянии: «Подожди! Ты куда? А я?» Но тут же обрушилось ледяным потоком разумно-саркастичное: «Ну, да-а-а! Конечно! Сейчас!»

И что у Даны в голове делается? Да не только в голове. А ведь и надо всего лишь пережить минуту – и закончится, всё закончится. Он исчезнет. На-все-гда. И Данина дурь исчезнет – увяжется за ним следом, отвалит в неизвестном направлении, чтобы больше не вернуться.

Неужели и правда навсегда?

– Ещё чего-нибудь пить будешь? – вовремя озаботился Паша, задал вполне адекватный вопрос по весьма нормальному поводу. Практически наставил на путь истинный.

– Буду, – с облегчением выдохнула Дана, уставившись на собеседника. А не куда-нибудь ещё! – Чай. С лимоном.

А ещё с ромашкой, мятой и валерьяной. И можно без чая. Успокаивающий сбор для снятия напряжения.

Рита поддержала, тоже попросила чай, а ещё и десерт заказала на двоих – шоколадный брауни с ванильным мороженым.

С мороженым подруга хорошо придумала. К месту. Самое то для охлаждения. стакан из-под коктейля давно унесли, да и лёд в нём уже растаял.

Ещё немного посидели, а потом отправились погулять. Шли – девушки посередине, парни по краям. Серёга, конечно, рядом с Ритой, а возле Даны – Паша.

Ну и ладно, он тоже ничего. То есть, он очень даже, и это только сейчас Дана к нему ничего особенного не чувствует, а в перспективе – всё возможно. И подобный вариант развития событий как раз привычен и нормален: от первой дружеской симпатии до лёгкого увлечения, а далее влюблённости и прочего. А не словно удар по голове или падение в ледяную воду.

Помогая выйти из маршрутки, Паша протянул руку. Дана ухватилась: ну а почему нет, если это стандартный жест вежливости? Паша сжал её ладонь и не отпустил, да она и не пыталась высвободиться. Опять – почему бы и нет? Никаких отрицательных ощущений. Хотя и положительных тоже. Примерно, как идти за руку с Верой – привычно, обыденно и совсем ничего не значит. Вот если бы...

Честно? Спроси он перед уходом «Пойдёшь со мной?», она бы даже не раздумывала, куда, почему, зачем. Пошла бы. И первая ухватила бы его ладонь, чтобы случайно не отстать, не потеряться. И это Дана сейчас не про Пашу, а потому вдвойне глупо – или даже тройне – представлять такое, вспоминать, делать вид, что всё прекрасно, и шагать рядом с другим, рука в руке.

Почти перед самым домом Рита с Серёгой торопливо свинтили куда-то в сторону, дожившись:

– Мы ещё немножко погуляем.

– А мы? – спросил Паша, когда те исчезли из виду.

– Я – домой, – произнесла Дана, осторожно высвобождая свою ладонь из его пальцев. – Холодно. Извини.

Она вообще-то нарочно это последнее добавила, чтобы он сразу понял. И он понял, даже раньше, чем Дана успела договорить, скривил угол рта, засунул руки в карманы, качнулся с пяток на носки, посмотрел куда-то в сторону.

– На Илюху запала? – не столько спросил, сколько уверенно констатировал, и бесполезно убеждать, что он ошибся, что ничего подобного – не поверит. Он даже и ответа дожидаться не стал, хмыкнул, сообщил: – А напрасно.

Сделал паузу, дожидаясь вопроса «Почему?» или просто так, для эффекта, потому что сам и продолжил без дополнительных побуждений со стороны:

– Он предпочитает постарше. Основательно постарше. И платёжеспособных. Ну, точнее тех, кто согласен ему за секс деньги отваливать.

Не то, чтобы Дана ничего не почувствовала – очень даже почувствовала – только сначала не осознала, что. Вот и получилось поинтересоваться сухо и равнодушно:

– И зачем ты мне это рассказываешь?

Паша безразлично пожал плечами, будто и на самом деле точно не знал, зачем, но потом всё-таки озвучил причину:

– Просто... предупреждаю. Чтобы ты зря время не тратила. Или сразу предложи заплатить. Тогда он точно не откажет.

Дана поняла, что больше ни секунды не может стоять рядом с ним, разговаривать. Голос пытался сорваться или предательски задрожать, и слишком трудно было с подобным справиться, взять себя в руки, когда нельзя стиснуть зубы, закусить губу или сжать кулаки – выйдет уж слишком показательно.

– Ну-у, – выдохнула Дана, а потом, не вдыхая, выдала чёткой скороговоркой: – Тогда спасибо, что предупредил. Я над этим подумаю. Пока.

Развернулась, зашагала к подъезду.

4

Дома была Вера. Стоило хлопнуть дверью, как та высунулась из комнаты.

– А! Это ты?

Хотя кого она ещё ожидала? Не родители же внезапно вернулись. Варианта всего два: либо Дана, либо Рита, но чаще всего они являлись обе одновременно.

Вера вышла в прихожую, двинулась в сторону кухни, а потом вдруг притормозила, опять уставилась на сестру, спросила:

– С тобой всё в порядке?

– Абсолютно, – уверенно заявила Дана, ногой заталкивая сапоги под полку для обуви, добавила для большей убедительности: – В полном.

– Ну, как знаешь, – смиренно заключила Вера, а сама ещё пару секунд стояла неподвижно, прежде чем отправиться дальше, словно шанс давала – передумать и признаться. Но Дана – не передумает! А чтобы избежать новых пронизательных взглядов, она торопливо прошмыгнула в сторону ванной.

Между прочим, на улице реально не лето, самая настоящая осень, и Дана реально немного замерзала вплоть до того момента, когда Паша поделился с ней чужим секретом. Тогда её словно огнём обдало, прожгло изнутри, а теперь опять стало зябко. Она включила воду, и пока та набиралась, внимательно изучала этикетки на бутылочках с шампунями, гелями, пеной. Не выбирала, просто занимала мысли, перечитывая рекомендации, составы и способы применения.

Дождавшись, когда ванна наполнилась до половины, Дана забралась в неё, сделала воду погорячее, плеснула на край, чтобы эмаль хоть немного нагрелась, прилегла. Всё равно лопаткам стало холодно, так что по рукам пробежали мурашки. Но ладно, это не надолго, сейчас обязательно станет уютно и блаженно.

Тепло обволакивало, приятно пощипывало кожу. Дана прикрыла глаза. Вода, волнуемая упругой струёй из крана, едва ощутимо шевелилась, перетекала, скользила по ногам и животу ласковой горячей ладонью, рождая внутри тела ответный жар.

О, чёрт! И к чему это?

Ухватившись рукой за край ванны, Дана резко выпрямилась.

И здесь не задалось. Всё кувырком. Вообще – всё. И, наверное, лучше вылезти, вытереться, одеться, пойти в комнату... или на кухню, или ещё куда, сделать хоть что-то.

В прихожей перед вешалкой топталась Рита, увидела Дану, улыбнулась.

– И ты дома?

– Я уже давно дома, – буркнула та.

Рябилина поскорее повесила пальто на крючок, развернулась.

– То есть, – вывела она, – после того, как мы ушли, с Пашей вы вот прямо сразу и распрощались? – а когда Дана утвердительно кивнула, заключила: – Ну-у, это ожидаемо.

– Что ожидаемо?

Подруга на вопрос отвечать не стала. Точнее, ответила, но своеобразно, тоже вопросом и совсем про другое:

– Хочешь, я у Серёжи для тебя про Илью узнаю? – и уже за телефоном потянулась, готовая тут же исполнить обещание и уверенная, что Дана именно об этом и попросит, но та отрезала твёрдо:

– Не надо.

Она уже знает – спасибо Паше. Хотя, пожалуй, он правильно сделал, что рассказал. Такие вещи действительно лучше знать с самого начала, чтобы потом когда-нибудь не всплыли в качестве шокирующего сюрприза, чтобы разочарование оказалось не столь болезненным.

Конечно, Паша с расстройства мог и поднавать, но судя по довольному, почти торжествующему выражению на лице, когда все свои познания на Дану вываливал, он не врал.

Рита замерла удивлённо.

– А...

– Я спать, – перебила её Дана и смылась от чужого любопытства теперь уже в комнату.

Видимо, действительно настолько очевидно, даже для малознакомых, что она на парня запала, если все разговоры только к тому и сводятся? Сначала Паша, теперь Рита. И ведь ни грамма сомнений. Подруга даже уточнять не стала, правильно ли догадалась, сразу – «про Илью... для тебя...» Тогда, выходит, что и сам он не мог не заметить.

Никогда раньше подобного не случалось, чтобы Данины чувства окружающим настолько легко открылись. Обычно спрашивали, сгорая от любопытства, но не в состоянии определить самостоятельно: «А тебе кто нравится?» Но честного ответа редко дожидались. А тут и говорить ничего не пришлось. И как же это раздражает, когда все всё понимают, только посмотрев на тебя. Ощущение, будто ходишь перед ними голая, и не просто стыдно – жутко некомфортно и почти больно.

Положение во всех отношениях дурацкое. И не только потому, что все в курсе. Потому что и для тебя самой всё слишком явственно, не за что спрятаться – нет никаких туманных ощущений и смутных томлений, которые можно списать на настроение, гормональный сбой или временный бзик.

Ну, что сказать? Это она всегда запросто: лохануться – так по полной и прямо на глазах изумлённой публики.

Молодец Даночка! Втрескалась в мальчика по вызову. Ну или жиголо. Она в подобных тонкостях не сильна. Но... но... даже ведь предположить не могла. Совсем же не похоже.

Хотя откуда ей знать, как те выглядят. Может, как раз так, цепляюще с первого взгляда. Только помотришь и попадешь. Или пропадешь. Как точнее? Вот она и повелась на отработанное обаяние. Правда, зачем она ему? Ни возрастом не вышла, ни материальным положением.

В кровати точно так же, как и ванной, только в первые секунды Дана чувствовала себя расслабленно, надеялась, что вот сейчас закроет глаза и сразу уснёт, а действительность отступит хотя бы до утра, перестанет донимать.

Ну да, как же! А стоит закрыть глаза, действительность и правда отступает, но зато приходят мысли, абсолютно глупые бесполезные мысли, и само выговаривается, пусть и беззвучно. Имя. Его имя. «Илья».

Оно такое мягкое и лёгкое, словно пушинки одуванчика, щекочет губы. И сразу возникает перед внутренним взором – лицо. Подбородок, упирающийся в скрещённые пальцы, пепельно-русые волосы, тёмные брови, остро очерченные скулы и глаза, зелёно-карие, одновременно тёплые и холодные. И представляется, а что бы могло быть, если бы он не ушёл раньше времени, если бы тоже отправился провожать, если бы не Паша, если бы он. «А мы?» – спросил бы, когда Рита с Серёгой отвалили. Мы – всё, что угодно. И плевать, о чём там Паша плёл. А, может, как раз из-за этого.

Вздых вырвался сам, судорожный, чуть ли не со всхлипом. Дана стиснула зубы, насупилась. Прямо жаркая эротическая фантазия неискушённой дурочки – порочный мальчик.

Она перевернулась на живот, обхватила подушку. Нет, не лежится. Какой там сон?

Дана села в кровати, спустила ноги на пол. Не стала нашаривать тапочки, прямо босиком прошлёпала к двери.

Какое лучшее лекарство от переживаний и тревог? Правильно – пожрать!

Она неслышно выскользнула в прихожую. В квартире было тихо и темно, только из-под дверей родительской комнаты пробивалась узкая блёкляя полоска света. Значит, Рябина

тоже бодрствует, наверное, переписывается со своим Серёженькой. Одной не спится от радости, другой – от глупости.

По такому случаю идеально подошли бы пироженка и большая чашка кофе с молоком, но для кофе поздновато, а пироженок в наличии нет. Даже печенья нет – всё стрескали. Но приличный бутерброд – тоже неплохо.

Дана достала кусок хлеба для тостов, на него выложила всё, что могло подойти: кружочки колбасы, квадратик сыра, ещё помидорку. Жаль, что салата нет. Потом она сидела за столом, откусывала маленькие кусочки, медленно жевала и любовалась на сочетание цветов – коричневого, розового, жёлтого и красного. Зелёного здесь явно не хватало. Переводила взгляд на окно, но видела по большей части не то, что находилось за ним, а отражение: кухонной обстановки, горячей люстры и себя с бутербродом. И вдруг мелькнуло ещё что-то. То ли за стеклом, то ли за спиной. Дана чуть не подавилась, резко развернулась.

– Ри-ит!

– А ты чего здесь? – удивлённо приподняв брови, поинтересовалась Рябинина. – Ты же спать хотела?

– Проголодалась, – пояснила Дана и в доказательство предъявила остатки бутерброда.

– А-а-а, – с пониманием протянула подруга, прошла, взяла чашку, налила в неё воды, отпила немного, а после с шумом выдохнула и произнесла: – Давай я всё-таки у Серёжи про Илью узнаю. Не сейчас, конечно. Завтра.

– Не вздумай, – не дожидаясь, пока она договорит, воскликнула Дана. – Я же сказала уже: не надо. Ни сейчас, ни завтра. – Она переглотнула и добавила, уже не столь твёрдо и жёстко: – Рит, вот честно. Я не придуриваюсь и не кокетничаю. Правда – не надо.

Подруга осуждающе качнула головой.

– Но почему?

Па-та-му-что!

Не будет Дана передавать ей то, что Паша наговорил. Недостойно это – сплетни разносить, даже если они никакое не вранье. Да ничего и не изменится, если она сумеет оправдать своё странное желание. Точнее, нежелание. И вообще – переживёт, не сдохнет. Ну, пострадает, потревожится несколько дней, сначала сильно, потом не очень, и перестанет. Так всегда бывает – сто раз проверено.

5

Надёжные средства работают, когда строго выполняются правила их применения, а если последние нарушаются, то и результат получается не тот. Вот и сейчас все Данины благие намерения «никогда больше не думать и не вспоминать» оказались под угрозой. Потому что трудно не вспомнить человека, когда неожиданно сталкиваешься с ним чуть ли не нос к носу да ещё там, где меньше всего предполагаешь встретить – прямо в родном универе, – и он в отличие от тебя не старается сделать вид, будто ничего и никого не знает, произносит как ни в чём не бывало:

– Привет!

Конечно, Дана растерялась. Ещё как растерялась. Когда только увидела и поняла, кого. Можно даже не перечислять все проявившиеся у неё разом симптомы полного замешательства, включая банальное «сердце пропустило удар». Ну и естественно, самое умное, на что её хватило, замереть на месте и удивлённо спросить:

– А ты почему здесь?

Илья приподнял брови, улыбнулся уголками рта и произнёс:

– Потому что учусь.

Какое-то внезапно обнаружившееся десятое чувство истошно завопило «Молчи, Дана! Молчи!», но всё равно вырвалось, и опять удивлённое:

– Ты?

– А что не так?

Он посмотрел сначала только озадаченно, потом во взгляде появилась насторожённость, едва заметная.

– Ничего, – поспешно пробормотала Дана. – Просто я думала... что ты... – Паузы возникали одна за другой и становились всё длиннее. – Где-то ещё... – И, кажется, всё более многозначительней. – Учишься.

А глаза стыдливо бегали и норовили спрятаться.

Да заткнись уже наконец, Свиридова!

– Ясно, – Илья усмехнулся. – Тогда я пойду.

– Ну, – выдохнула Дана, до конца не понимая, что хочет сказать. Вообще – что хочет? Задержать, продолжить разговор, признаться, что просто растерялась от неожиданности, а теперь уже способна мыслить и общаться адекватно? Но так и не разобравшись, просто согласно кивнула: – Ага.

Почему она ведёт себя, как глупая взвинченная малолетка? Потому что полный раздрай – и в чувствах, и в мыслях. Не получается решить для себя что-то определённое.

Случайно наткнувшись на Илью, она в первую очередь обрадовалась, что он всё-таки не исчез бесследно, потом растерялась: «И что теперь?», и захотелось спросить прямо «Это правда?» Потому что до конца всё равно не верилось. А если даже «да», то мало ли какие бывают обстоятельства, и вообще, каждый волен жить, как считает нужным. И чем лучше, если бесплатно, но каждый раз с разными или с кем попало? Тем что не за деньги, а за идею? Но в тоже время – вот она сама смогла бы? Ну нет! Никакой из предложенных вариантов. Хотя кто знает, как жизнь обернётся.

«Всё, Свиридова! – приказала себе Дана. – Достаточно! Пока ещё окончательно не свихнулась». Хватит и того, что, глядя ему вслед, думала одновременно: «Лучше бы он мне ни сейчас, ни потом, вообще больше никогда не попадался» и «Это хорошо, что он тоже здесь учится. Значит, велика вероятность снова встретиться».

Ну что за засада? Она подошла к окну, плюхнула сумку на подоконник. И что, интересно, ему ясно? Какая из причин того, почему Дана рядом с ним ведёт себя словно дура?

Чужая симпатия тоже иногда пугает, становится в тягость. Если без взаимности или только добавляет ненужных проблем. Но она же – не навязывается, заговорила, лишь потому что Илья заговорил первым. Или он догадался: Дана знает про него больше, чем ей положено.

Если имеешь то, что желаешь скрыть, всегда кажется, что остальные о чём-то подозревают, легко находишь намёки в словах и действиях, даже когда их там нет и в помине. Но, может, она просто проецирует на другого человека свои заморочки, а на самом деле ему – по барабану. И собственный образ жизни, и мнение остальных. И Дана. И уж тем более то, что голова у неё сейчас лопнет от вопросов и ненужных мыслей, которые с каждым мгновением только копятя, добавляются и множатся.

Рефлексия – наше всё.

Вот почему у других бывает просто и гладко? И никакой неопределённости. Например, у Риты с Серёгой. Они уже наверняка и нацеловались, и наобжимались всласть ещё в первое свидание. Не то, чтобы Дана исключительно по этому пункту им завидует. Она ведь тоже могла – с Пашей. Только вот «всласть» получилось бы однобокое, с чисто физиологическим уклоном. Конечно, порой и такого достаточно, но всё же...

– Но всё же... – беззвучно проговорила Дана.

Тут – тоже не вариант. Прекрасно осознавая, что у него есть другая. Другие. И для него это совсем ничего не значит.

Ну, почему?

– Что «почему»?

Дана дёрнулась, резко развернулась.

– Ри-ит! – она с осуждением глянула на подругу. – У тебя новая фишка – подкрадываться и меня пугать?

– Я не подкрадывалась, – оправдалась Рябикина. – Это ты в последнее время какая-то странно задумчивая. Настолько глубоко погружаешься в мысли, что ничего не замечаешь вокруг. – Она поджала губы и со значением добавила: – Я рядом с тобой, наверное, уже с минуту стою.

– Правда?

– Правда, Даночка. Правда. – Подруга мелко закивала. – Домой-то идём?

Вместо ответа Дана подцепила ремень лежащей на подоконнике сумки.

На улице накрапывал дождь, совсем мелкий, даже не капал, а висел в воздухе влажной взвесью, слегка холодил. На такой можно не обращать внимания. Дана даже капюшон надевать не стала, шла и смотрела под ноги, на мокрый асфальт, на прилипшие к нему листья, на носки собственных кроссовок размеренно мелькавших перед глазами.

– И о ком ты опять думаешь? – прорвался сквозь мысли голос подруги.

Дана вскинула голову.

– Зачем спрашиваешь, если сама заранее всё решила? И что бы я ни сказала, всё равно ведь останешься при своём мнении.

Рита сдержанно хихикнула.

– А разве я не права?

– Неа, – Дана помотала головой. – Я про всех думала. Про себя, про тебя, про твоего Серёженьку.

– Кстати! – перебила подруга, воскликнула воодушевлённо. – А пойдём завтра с нами.

– Куда?

– Да куда угодно. Просто погуляем. Придумаем чего-нибудь.

Конечно, Дана глубоко благодарна за заботу, но... зашибись перспектива. Таскаться третьей лишней, принимать нарочитое внимание, замечать, как вместо того, чтобы обниматься, Рита с Серёгой просто многозначительно заглядывают в глаза друг другу, боясь обидеть или смутить бедную одинокую спутницу недоступными ей нежностью и ласками.

– Не-е, – протянула Дана, обвела критическим взглядом подмокший пейзаж. – Погода какая-то не вдохновляющая. Я лучше курсовую по социологии напишу.

– Курсовую? – изумлённо переспросила Рита. – Придумала тоже. До конца семестра ещё далеко.

– Зато сейчас время есть, – нашлась Дана. – Всё лучше, чем в последний момент.

– Ну, смотри, – подруга не стала настаивать, хотя и поспешила тут же сообщить: – Но на завтра обещают тепло и солнечно.

6

На этот раз прогнозы не подвели. Действительно – тепло и солнечно. Осень перестала грустить, скинула серый дождевик, под которым скрывалось яркое пёстрое платье, и засияла волнующей зрелой красотой. Хотелось смотреть во все глаза и дышать полной грудью. Воздух наполнен сухими терпкими ароматами. Дома они, конечно, не чувствовались, но Дана их прекрасно представляла, а сама сидела в комнате, украдкой поглядывала на краешек голубого неба за окном.

– Неужели и правда курсовик писать будешь? – с сомнением уточнила Рита.

– Буду! – Дана демонстративно открыла ноутбук и махнула рукой в сторону входной двери. – Иди уже. Серёженька наверняка заждался.

Подруга послушно глянула в указанном направлении и всё равно упрямо протянула:

– Да-ан! Ну давай с нами. Или хочешь... – Но суровый тяжёлый взгляд заставил её замолчать на середине фразы и смириться. – Ну, как знаешь.

– Пока, – твёрдо произнесла Дана, но, когда Рита захлопнула за собой дверь, точно так же захлопнула крышку ноутбука.

Мысли никак не желали разворачиваться в сторону темы «Социальное пространство современного города», а вот в сторону просто пространства – очень даже, – требовали проветривания и перспектив для полёта, но Дана упорно, наверное, целых две минуты, торчала за столом, сосредоточенно хмурилась и кусала губы. Потом поднялась, медленно, так же медленно оделась и свалила из квартиры.

Одной тоже можно гулять. Так даже лучше – идти, куда хочется, думать, о чём хочется, молчать, а если уж совсем не вмоготу, тихонько бормотать под нос, делясь размышлениями с высшим разумом, который всё слышит и видит. А можно ещё сесть на автобус или маршрутку и уехать. Куда? В принципе, куда-нибудь, без определённой цели, но...

Похоже, цель существует всегда, просто иногда и сам не подозреваешь, что даже вот так, не рассчитывая, не предполагая, стремишься именно к ней. И достигаешь.

Лавирование в толпе не прельщало, и Дана прошлась по бульвару, ведущему то ли к большому скверу, то ли к маленькому парку с неширокими засыпанными гравием аллеями. Народу здесь не так уж и много, вполне получалось никого не замечать, медленно брести и даже немного дурачиться, размахивая руками и нарочно шурша опавшей листвой, глазеть по сторонам или прямо вперёд, придумывая, что может встретиться в перспективе, не сдерживая фантазию. Но реальность как всегда её переплюнула, и Дана поражённо замерла на месте.

Можно было повернуть назад, пока он её не заметил, или аккуратно проскочить за спиной и побыстрее рвануть дальше.

А вот нифига! Если они опять пересеклись, не планируя, там, где это маловероятно, значит, определённо не случайно. Так надо было. А вот зачем? Просто – затем. Смысл выяснится по ходу. И для начала, пока он не подозревает о Данином близком присутствии, она просто постоит и посмотрит, придвинувшись к краю газона, недалеко от перекрестья двух аллей, отмеченного круглой чашей уже не работающего фонтана.

Илья сидел на краю выложенного тёмно-серой мраморной плиткой парапета, вытянув ноги, засунув руки в карманы куртки. Подбородок приподнят и взгляд – прямо и вверх, над кронами деревьев – наверное, в небо или, отражённый от внешнего мира, в себя. Ветер тихонько ерошил светлые волосы.

Интересно, какие они: жёсткие или мягкие? Прикоснуться бы, запустить пальцы, провести сквозь лёгкие пряди.

Дана прорисовывала взглядом профиль. И всё-таки видеть – мало, тем более издалека. И даже если подойти поближе – тоже мало. Хочется не просто оказаться рядом, исключить

любое расстояние, даже самое маленькое, дотронуться, ощутить. Неуправляемое стремление, почти до одержимости.

Странная любовь, слишком чувственная, слишком телесная. И откуда только взялась? Господи, они ведь едва знакомы, встретились всего два раза. А где же всё это: узнать друг друга, оценить душевные качества? Разве достаточно взаимных взглядов, нескольких малозначимых фраз?

Да что же с Даной такое? Запредельное. Она сама себя пугает: ну никогда же, никогда ничего подобного не было. И не должно быть, не бывает. И сил нет держать всё это в себе, запросто – взорвёшься или свихнёшься.

Опять одновременно снедало противоположное: страх и смущение оттого, что в любой момент Илья может развернуться и обнаружить, как Дана зачарованно пялится на него, и нетерпеливое ожидание – когда же наконец он почувствует, посмотрит в её сторону и без лишних слов всё поймёт. И вполне закономерно, что она ощутила заранее, за мгновение до того, как это должно было случиться.

Дана сделала шаг – создала впечатление, будто не стояла столбом на месте вот уже несколько минут, а просто медленно приближалась или, точнее, шла своей дорогой. Увидев её, Илья приподнял бровь, будто одновременно и поприветствовал, и спросил, почему она здесь.

Не рассказывать же ему теорию о неслучайности случайного, над которой недавно размышляла, лучше подойти поближе и тоже спросить:

– Ждёшь кого-то?

Запоздало возникло понимание, что, если Илья ответит «да», ей неинтересно будет знать, кого. Вот совершенно неинтересно. И вообще, надо было сказать что-то другое. Но он ответил:

– Нет.

– А что тогда делаешь?

– Ничего. – Голос был не совсем такой, как раньше. Глубокий, приглушённый, уютный и мягкий. В мыслях возникло слово «бархатный». Наверное, так и есть. Слышать его было удивительно приятно. – Можно ведь?

Дана пожала плечами, присела рядышком, но не слишком близко, тоже спрятала руки в карманы.

– Я как бы тоже – ничего. Просто гуляю, – сообщила она, рассматривая гравий на дорожке, и добавила через паузу: – Рита умчалась на свидание с Серёгой.

И зачем? Зачем было упоминать о подобном? А потом ещё задавать вопрос, на который прекрасно знаешь ответ? Это попытка убедить себя в том, будто слова вырываются неосознанно, а на самом деле ты ничего не понимаешь и не на что не рассчитываешь?

Хватит юлить. Она же учится на психолога и выявление скрытых мотивов, тем более собственных, для неё не должно составлять проблему. И если наконец-то набраться решимости, посмотреть правде в глаза и назвать вещи своими именами, получится так: Дана откровенно подкатывает к парню и хочет, чтобы в ответ на известие о чужом свидании, он сказал что-то типа «А почему бы нам тоже не встретиться?»

Но вдруг Илья так и поступит. И что тогда? Разве Дана сможет не думать о том, о чём знает? Разве получится сбросить это со счетов, принять без возражений?

Кажется, она окончательно запуталась в противоречивых чувствах, которые вызывает у неё этот парень, но всё-таки... всё-таки, если сложится, Дана выберет «сделать», а потом, потом, согласно общепризнанному суждению, именно об этом и жалеть.

Она наконец-то оторвала взгляд от дорожки, повернула голову. Чтобы встретиться глазами. Он тоже смотрел, внимательно, сосредоточенно, будто решая. Только вот что?

7

– Ребят! – раздалось совсем рядом. – Извините.

В нескольких шагах от них остановилась парочка: парень и девушка, наверное, где-то под тридцать. Она – высокая, стройная, яркая, длинные тёмные волосы шёлковым водопадом вдоль спины, он – крепко сбитый, широкоплечий, стрижка коротким ёжиком, держал в руках большой крутой смартфон и говорил:

– Сфотографируете нас?

– Конечно, – Илья поднялся, забрал протянутый телефон, и Дана тоже поднялась, хотя смысла и не было, ведь помощь её не требовалась.

Парень и девушка прошли чуть дальше на расцвеченную красками осени, уходящую в перспективу аллею, встали лицом друг другу. Парень обхватил девушку рукой за талию, прижал к себе, та чуть откинулась назад, отставила ногу. Смотрели они не в камеру, конечно же, в глаза, один другому, с любовью и нежностью, с нескрываемой страстностью, и Дана поражалась, насколько легко считываются эти чувства даже равнодушным сторонним наблюдателем, подобным ей. И ещё интересно – она точно таким же взглядом пялится на Илью? Не случайно же парень, забирая свой смартфон, предложил:

– Может, и вас сфотографировать?

Они ответили хором.

– Нет, – произнёс Илья, качнув головой.

– Не надо, – отказалась Дана.

Без спешки, без экспрессии, негромко и спокойно, а парень улыбнулся уголками рта.

– Ну, как знаете. И – спасибо.

Вроде бы хотел ещё что-то добавить, но не стал, только чуть отойдя тихонько сказал своей подруге. Дана не слышала, и лиц их не видела.

Возможно, девушка теперь тоже улыбается, смеются вдвоём над ними, неприкаянно торчащими на перекрестье аллей, словно на перепутье. Направо пойдёшь, налево пойдёшь или прямо? Куда? Зачем? Что дальше?

Самой не решить, но рядом есть тот, кто сможет ответить. Осталось только набраться смелости и спросить, хотя бы такое: «Что будем делать? Опять ничего? А если вместе?»

Дана сжала губы, посмотрела на Илью. Уже почти спросила. Ну, ещё секунда, и точно бы спросила. Но он вдруг вскинул руку, протянул, словно хотел положить ей на плечо или, вообще, обхватить за шею. Дана растерянно замерла, глаза удивлённо распахнулись, но... всё оказалось просто и как-то чересчур по-киношному банально. Илья вытащил из её капюшона залетевший туда берёзовый листочек, ярко-жёлтый, вощёный, зубчатый, отбросил в сторону. Дана внимательно следила за его рукой.

Ну почему? Почему всего лишь листочек? А она уже почти представила, как Илья дотрагивается до её волос, до её щеки. Она уже почти чувствовала это прикосновение. И, наверное, сейчас Дана всё-таки не спросит, а сделает ещё большую глупость. И...

– Добрый день!

На этот раз уже не пара, целая компания, шумная, суетливо-восторженная, вдохновлённая. Ещё и с воздушными шариками – олицетворением рвущего их в небо восторга.

– А он ведь действительно добрый. А может стать ещё и особенным. – Они говорили почти одновременно, перебивая друг друга. Не успевала закончиться одна фраза, как уже начиналась другая. – Будущего не будет без настоящего. Каждый день ценен. Не стоит рассчитывать только на завтра. Живи сейчас. Присоединяйтесь к нашему флэшмобу. Станешь делать вид, что ничего не происходит, будешь только жалеть и страдать. Но зачем тратить жизнь на

подобное? Хочешь кричать – кричи, хочешь что-то сказать, говори. Именно сегодня и именно сейчас. Не откладывай, сделай шаг.

– Вот! – одна из девушек сунула прямо Дане в ладонь ленточку от воздушного шарика, насыщенно красного, сердечком, и широко заулыбалась.

А потом они схлынули, словно волны в отлив, унеся с собой шум и суету, но оставив состояние восторженной приподнятости. А, может, это из-за шарика, натягивающего ленточку, стремящегося ввысь. Он болтался на уровне лиц, сиял алым, и под лёгкими порывами ветра так и норовил доверчиво прильнуть к кому-нибудь.

Илья опять вскинул руку, но на этот раз, чтобы щёлкнуть по шарика. Дана перехватила ленточку поближе к узлу, и теперь красное сердечко трепетало почти что в её ладони.

Хочешь что-то сказать, говори. Чтобы не страдать бессмысленно. Именно сегодня и именно сейчас.

Она же так и собиралась! И этот флэшмоб словно специально для неё. Для них. И...

Нет, всё-таки судьба против. Подбрасывает подходящий момент, но только для того, чтобы подразнить, дать шанс и тут же отобрать. Теперь не случайные прохожие, звонок телефона, разбивший вдребезги напряжённую тишину многозначительной паузы, оборвавший решительный вдох.

Илья достал мобильник, глянул на экран – наверное, прочитал имя звонившего – потом на Дану.

– Я... я сейчас.

Отошёл на несколько шагов, отвернулся, поднёс телефон к уху.

– Да. Приезжаешь? Когда? – произносил он через паузы, больше слушал. Похоже, абонент был очень разговорчивым, любил обо всём рассказывать подробно. А сам отвечал коротко, слишком коротко, словно боялся сболтнуть лишнее. Лишнее не для того, кто находился далеко, а для того, кто стоял рядом. Для Даны. Но ей и маленьких рубленных фраз вполне хватало, чтобы самой додумать, достроить диалог, и каждое подобранное слово неприятно царапало скрываемым за ним смыслом.

Даже если на самом деле ничего подобного не было, а все Данины предположения – сплошная ошибка, она не может не предполагать именно этого. А потому – всё изменилось, неисправимо, словно занавес закрылся: весёлое представление закончилось, дальше опять реальная жизнь. И шарик, трепещущий в руке, это цвета крови сердечко на ниточке, воспринимался ничуть не романтично. Было в нём что-то болезненное, медицинское, нарочитое, и Дана выглядела с ним по-идиотски. Живая аллегория – девушка и её иллюзия, самой же созданная, раздутая из ничего, способная лопнуть в любой момент, или исчезнуть. В смысле – уже лопнула, уже исчезла.

Дана разжала пальцы, ленточка торопливо заскользила по ним. Шарик взмыл, устремился в небо. Поднимался всё выше, а Илья всё говорил:

– Понял. Нет, всё нормально. Как всегда? Хорошо. Да.

Нет – не хорошо, не как всегда, не нормально. И он сам прекрасно всё это осознавал. Недаром, опустив руку с телефоном, несколько секунд простоял молча и неподвижно, а потом, посмотрев на Дану, сообщил безучастно:

– Я пойду.

И стало обидно, до невозможного обидно, до раздражения и злости. На эту его безучастность, на смиренное согласие, чтобы всё оставалось так, как есть. На неисполняемость собственных желаний и уверенность, что тоже не сможешь ничего изменить. Хотя, почему не сможешь?

– Ты всегда так резко срываешься, – слова получились сухими и колкими, словно горстка иголок. Нет, не сосновых и не еловых. Заострёнными неприятно, двойным смыслом, разочарованием и сарказмом. – У тебя какие-то особые дела?

– Почему особые?

– Ну, не знаю, – Дана задумчиво склонила голову к плечу, подозревая, что получается чересчур театрально, но не в силах справиться с собой, не в силах промолчать и сделать вид, будто она абсолютно не в курсе. – А как их правильно называть?

– Их, – повторил Илья, озадаченно свёл брови. Потом зачем-то посмотрел на телефон, который по-прежнему держал в ладони, перевёл взгляд на Дану. – А-а, ну да.

Догадался – не догадался? Скорее, почувствовал, выбрал самую очевидную причину или увидел – в глазах – то, что она не решалась высказать прямо, кивнул, похоже, соглашаясь с собственными мыслями. И не расстроился, ничуть. Озадаченность на его лице сменилась беззаботным равнодушием, и даже улыбка тронула губы, лёгкая снисходительная улыбка, которую обычно надевают взрослые, разговаривая с обиженными или недовольными детьми.

– Никак не называй. Тебя же не касается. Только меня. И давай так: в следующий раз просто – пройди мимо, представь, что мы незнакомы. И будет лучше, по-любому. Договорились?

Дождаться ответа он не стал. Да потому что принял бы только один – подтверждение, и не сомневался в нём. Сам придумал, сам решил, а Дана вообще не в счёт. Развернулся, направился... да не важно, куда. Однозначно прочь. От неё.

– Илья! Подожди!

Он демонстративно не слышал, всё так же шёл, не сбавляя шага, не оборачиваясь. Вообще никак не реагируя. Не бежать же следом, не цепляться за руки, за одежду, пытаясь остановить и сказать...

Что? Ну вот что она скажет? Ляпнет со всей прямоотой:

«Мне говорили, ты спишь за деньги. С женщинами постарше. И сейчас тебе звонила одна из них. Ведь так? Я знаю, что так. Но зачем это тебе? Неужели нравится? Это же неправильно. Не нормально. Как так можно? У нас же вполне могло получиться. Могло. Я же тоже чувствую, вижу – не только меня влечёт к тебе. Это взаимно, ведь правда? Взаимно. Но я же не могу... с тобой... когда ты...»

А вдруг Дану столь неудержимо и тянет к нему, потому что он именно такой, какой есть?

8

В понедельник отменили последнюю пару. Хотя девчонки предложили потратить с пользой неожиданно выдвшееся свободным время, то есть завалиться куда-нибудь всей компанией, Вера их идею не оценила и в одиночестве отправилась домой. Ну да, ошибиться в выборе – это для неё дело обычное, пойти против устремления толпы, проявить индивидуальность и гордо угодить в лужу. Вот реально, лучше бы сидела с ними в кафешке и беззаботно трепалась ни о чём, но умные мысли приходят с опозданием, глупым всегда удаётся их обогнать.

Ветер резкими порывами стряхивал с деревьев последние листья, те кружились, падали вниз, под ноги проходим, чтобы быть затоптанными, смягчали тяжёлые усталые шаги и тихо шептались, видимо, о том, что жизнь – тлен, и скоро зима, холод и снег.

Несмотря на раннее возвращение, дома Вера оказалась не первой. Судя по одежде на вешалке и обуви, Рита была уже здесь, и не одна. С парнем. Видимо, с тем самым тёмненьким, к которому они с Данкой мотались на свидание.

Ну, понятно. Вместо того, чтобы сидеть на занятиях, они тут ловят момент, пока в квартире никого нет, и прочим присутствующим остаётся только надеяться, что влюблённые ограничатся одной комнатой, а не решат испробовать везде и по-всякому. Специально уходить и переждать где-нибудь Вере совсем не хочется. Обойдутся.

Она нарочно посылнее хлопнула дверью, подала сигнал, что в доме ещё кто-то есть, прошла в туалет, потом на кухню, щёлкнула кнопкой на электрическом чайнике. Тот несколько секунд сдержанно молчал, а потом возмущённо забухтел, всё громче и громче.

Вера плеснула в кружку заварки, долила кипятком, вытащила из шкафчика упаковку мягких венских вафель с йогуртовой прослойкой, неторопливо сжевала парочку. Дальнейшее сидение на кухне не имело смысла, тем более от чая и сладкого потеплело даже на душе и вообще захотелось упасть на кровать, раскинуться свободно, отрешиться от всего сущего. Но реальность она такая, любит доводить задуманное до конца, и уж если начал выбирать моменты неудачно, то и дальше будешь это делать с завидным постоянством, раз за разом, пока всё окончательно не сложится и не завершится полным провалом.

Именно в ту секунду, когда Вера проходила мимо родительской комнаты, дверь той бесшумно распахнулась, и за ней обрисовалась Рита. Наверное, рассчитывала осторожно выглянуть наружу, оценить обстановку, но тут же наткнулась на чужой взгляд.

Вообще-то Вера не собиралась специально её рассматривать, автоматически среагировала – на ходу повернула голову в сторону неожиданного движения, да так бы и проскочила равнодушно мимо, но... Получилось наоборот: резко остановилась, и даже сделала шаг назад. Тоже неосознанно. В полной прострации. Ибо в здравом уме она бы стремительней рванула дальше.

– Вер, привет! – вкрадчиво проворковала Рита и скромно потупила глазки.

Ответного приветствия она не дождалась. Вера просто не расслышала, что она там лепечет и с каким выражением на лице, потому что взгляд зацепился за то, что находилось у Риты за спиной. Точнее, за того.

Значит, это он? Серёжа, жгучий брюнет, четвёртый курс.

Когда больше двух недель назад утром на кухне Рита перечисляла всё это, Веру не торкнуло, вот совсем, даже где-то глубоко в сознании не возникло никаких подозрительных ассоциаций. Мало ли в городе парней, подходящих под это описание. Тем более в Вериных воспоминаниях он был второкурсником. Да и возможно ли в принципе подобное совпадение? Конечно, невозможно. По всем разумным рассуждениям. Но когда это в жизни всё происходило логично и разумно? Не в случае Веры – точно. Как сейчас, так и тогда, когда она тоже училась на втором курсе и встречалась... с парнем.

Конечно, она прекрасно помнила его имя, просто произносить не желала, даже мысленно. К чему? Это в тот момент ей казалось, что между ними всё искренне, по-настоящему, серьёзно и значимо. Даже вечные её сомнения и чрезмерная рассудительность отступили, и он стал у Веры первым – первым мужчиной, первым опытом, первым, кого она подпустила к себе слишком близко, с кем решилась на то, на что так и не решилась с другими.

Хотя и не сразу, раздумывала долго. Видимо, слишком долго. А он не торопил – и это подкупало – пусть и не забывал при первом же подходящем случае повторять, что любит её, и поэтому она может ему полностью довериться, подразумевая, что телесная близость является непременной составляющей взаимного доверия и любви.

Только потом выяснилось, что помогло ему оставаться столь терпеливым. Всё просто: пока Вера созревала, он спал с другой, которая была безотказной, опытной и вообще без комплексов. Но любил-то он Веру, а прочее – «ну, так... несерьёзно... только секс и ничего кроме». И, конечно же, это должно было сойти за убедительное оправдание.

Не сошло. Ни за оправдание, ни за лекарство от разочарования и боли. А последующие звонки, покаянные монологи и попытки заслужить прощение только раздражали, бередили и без того никак незаживающую рану, делали только хуже.

Хорошо, что на этот раз он не оказался настолько терпеливым, долго не ждал. Наверное, опять нашёл утешение на стороне, воспользовался самым надёжно работающим средством от всех жизненных проблем. А потом и Вера его попробовала. Сама она вряд ли бы решилась, но на выручку пришла однокурсница Алина.

Та поначалу просто с пониманием помалкивала или озабоченно выспрашивала о самочувствии, но, стойко продержавшись несколько дней, поняла, что не в силах и дальше смотреть на застывшее лицо подруги. На одной из перемен, когда без дела торчали в коридоре возле нужного кабинета, дожидаясь начала пары, Алина проникновенно выдохнула:

– Ве-ер. – И уверенно добавила: – Да хватит уже страдать! Было бы из-за кого. Наплюй. На словах-то легко.

– Ну, слушай, – не унималась Алина. – Какой самый проверенный метод? Клин клином вышибают. Вот!

– Что «вот»? – бесцветно уточнила Вера, без всякого интереса, исключительно на автомате поддерживая разговор.

– Забудь про этого уroda! – с напором отчеканила Алина. – Лучше пойдём в субботу со мной.

– Куда?

– У моего Коли днюха. Отметим. Он зовёт. В общагу.

– Почему в общагу?

Однокурсница показательно закатила глаза, но вовремя одумалась, опять приняла сочувствующий вид и произнесла с точно рассчитанной пропорцией негодования и сострадания:

– Вер, ты пока все вопросы не переберёшь, не успокоишься? Да какая разница: в кино, в кафе, в общагу. Развеемся, повеселимся.

– А народу много будет?

– Без понятия. И не всё ли равно?

– Всё равно, – легко согласилась Вера.

Ведь на самом деле – достаточно. Алина права: плюнуть, забыть, спокойно жить дальше, развлекаться и веселиться.

Ему начхать, а она мучается. А почему она мучается? Она! Когда ни в чём не виновата, когда ничего предосудительного не сделала, когда не обманула и не предала. А плохо – ей. Это же глупо, наказывать себя за чужую подлость, отказываться от жизни, если что-то пошло не так. Он-то наверняка расслабляется в чужих объятиях, получает удовольствие, вот и она больше не станет терзаться и тосковать.

– Так, значит, идём? – радостно, но всё ещё чуть недоверчиво уточнила Алина, обратившись вслух и внимательно всматриваясь, чтобы определённо не ошибиться в ответе, и Вера в подтверждение кивнула и отчётливо произнесла:

– Угу.

9

Их собралось всего четверо, и Алина наверняка знала об этом заранее. Возможно, сама всё и устроила, уговорив своего Колю организовать ради спасения подруги это свидание два на два, да ещё и основательный кастинг среди его приятелей провела, чтобы выбрать идеального кандидата, полностью отвечающего Вериним предпочтениям.

Темноволосый и темноглазый – Вера оценила. Даже если совпало чисто случайно.

Его звали Серёжей. Имя тоже приятное, и сам он оказался очень даже ничего: улыбчивый и открытый, но не навязчивый и не самоуверенно развязный. И он не стал сразу создавать впечатление, что всё уже заранее предрешено, и Вера точно для него. Даже в разговор её особо не втягивал, зато постоянно посматривал, играл мимикой, чуть ли не подмигивал и сдержанно улыбался. Ну и как тут остаться безразличной и в ответ сохранить серьёзность?

Сначала решили отправиться в кино, доехали до торгово-развлекательного центра, но почти на самом подходе к кинотеатру Алина передумала. Её со страшной силой потянуло на попавшийся по пути каток. Видимо, исключительно с одной целью, чтобы почаще спотыкаться и якобы ненароком падать в крепкие Колины объятия, а потом, встречаясь взглядом с Верой, делать «большие глаза» и многозначительно двигать бровями, приглашая последовать собственному примеру.

То ли холод, исходящий ото льда, подействовал как заморозка, то ли дело было исключительно в Серёже, но больше не хотелось каждую минуту думать о чужом предательстве, и не получалось.

Болезненные воспоминания отодвигались на дальний план. И легко выходило улыбаться, даже смеяться, и ничего особенного не виделось в том, чтобы держаться за заботливо подставленную ладонь, и, случайно – по-честному случайно – неудачно развернувшись и врезавшись в парня, ухватиться за него, прижаться, боясь упасть. А потом просто стоять, уткнувшись в широкое плечо и немножко в шею, ощущая, как крепко тебя держат чьи-то сильные руки, желать, чтобы это ощущение надёжности и умиротворения длилось как можно дольше, дышать терпким волнующим ароматом, который бывает только у разгорячённого человеческого тела. Ведь всё это и должно дарить радость и наслаждение, но никак не разочарование и боль. Поэтому именно сейчас было правильно.

После катка зашли в бар, выпили по коктейлю, поздравили именинника, и только тогда отправились в общагу, а там уже отметили день рождения по полной. И пусть с закусками было очень скромно, это прекрасно компенсировалось вином. От него становилось совсем уж хорошо и расслабленно, и голова немножко кружилась, а мысли теряли определённую ясность. Просто – легко и безмятежно. И весело. Алина же обещала, что станет легко и весело.

Позже сидели, выключив свет, Вера с Серёжей на одной кровати, Алина со своим Колей на другой, обжимались и целовались, жадно и очумело. А ещё позже они остались только вдвоём. Видимо, вторая парочка украдкой смылась в поисках более уединённого места, а Вера этого даже не заметила. Просто вдруг поняла, что кроме них в комнате больше никого нет, и что Серёжа, продолжая целовать, настойчиво давит ей на плечи, заставляя лечь, и она в принципе ничуть не против, а внизу живота растекается и пульсирует будоражащий жар.

Значит, она это делает не со зла, не от отчаяния или из мести. А потому что действительно хочет. Так в чём проблема?

Ей нравится с ним целоваться, и самой целовать его тоже нравится, а уж тем более, когда он целует её. И ласки его нравятся, то мягкие, едва ощутимые, то несдержанно настойчивые, чуть грубоватые. И, кажется, даже не терпится, когда он наконец...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.